

Н.Н. Зуб (Руденко)

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ
КАВКАЗА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ
УКРАИНСКИХ УЧЕНЫХ XIX в.
(по материалам Института рукописей Национальной
библиотеки Украины им. В.И. Вернадского)**

Интерес к изучению истории, жизни и быта кавказских народов всегда имел определенные приоритеты среди ученых XIX в.

Следует отметить, что в начале указанного столетия изучение народов Кавказа сталкивалось с трудностями, связанными с военно-политической ситуацией в регионе. Исследователи XIX в. использовали любую возможность, вели довольно обширную переписку, чтобы заполучить ответы на интересующие вопросы у тех, кто имел возможность отправиться на Кавказ. Это нашло свое отражение в сохранившихся материалах Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского в фонде III («Переписка» (Собрание писем известных деятелей науки, культуры и образования XVII–XX столетий). Определенная часть размещена в личных фондах. Обратим внимание на некоторые из них.

Юрий Иванович Венелин (Георгий Гуца) (1802–1839) — историк-славист, в своем письме к Михаилу Александровичу Максимовичу (1804–1873), в 1832 г. откомандированному на Кавказ для сбора коллекций растений, пишет: «Осведомтесь, как Черкессы сами себя называют на своем языке между собою. Какие соседи называют их Черкессами; правда ли что Черкесь на турецком значит головорезь» [ИР НБУВ. Ф. III. № 5277. Л. 1].

Письмо усыпано вопросами по примеру: «Касательно Черкесского языка, я вас покорно прошу вас заставить переводить вам спряжения с лицами; не забудьте неопределенное наклонение» и т.п. Строчки послания чередуются с известными ему сведениями и все новыми вопросами и заданиями: «Я надеюсь, что

вы выпишите порядочное число слов <...> Но преимущественно мне очень хотелось бы узнать следующие» и «озвучивает» 98 позиций. С каждой страницей интерес возрастает: «Что касается до лезгинского и осетинского языков... те же слова» [ИР НБУВ. Ф. III. № 5277. Л. 2–3].

Возможность непосредственного пребывания своего друга на Кавказе Ю.И. Венелин видел полезной для исследований и наблюдений во всех отраслях жизни местного населения. К тому же он отдельно перечислял просьбы, назидательные инструкции для опроса, сбора материала, ведения записей и новые вопросы. Он возлагал большие надежды на сведения, добытые товарищем, дописывая замечание-предупреждение: «Я полагаюсь на ваш ум и разборчивость; впрочем, касательно упомянутых предметов я сошлюсь на вас. И если вы сделаете ошибку, то и я сделаю. Вы узнаете впоследствии, как важны эти вопросы» [Там же. Л. 4].

Мороз Даниил Константинович (1841–1894) — этнограф и драматург по призванию, а в бытность свою пребывания на Кавказе «инспектор сельского хозяйства, промышленности и поселений». Зная, что его друг А.Ф. Кистяковский собирает этнографические сведения о Кавказе, всегда старался ему помочь. Его письмам не чужды элементы описания кавказских городов и уклада жизни местного населения. О своем впечатлении от первого знакомства со столицей Кавказского края писал: «Что Вам сказать о Тифлисе и его обитателях? <...> Тифлис своею внешностью <...> поражает каждого приезжего. Весьма интересна азиатская часть его» [ИР НБУВ. Ф. III. № 69007. Л. 2].

Материалы об обычном праве горских народов Кавказа, в частности ингушей, карачаевцев, балкарцев и кумыков, сосредоточены в рукописном наследии украинского ученого-криминалиста, историка права **Александра Федоровича Кистяковского** (1833–1885). В сфере его интересов как автора «Программы для собирания юридических обычаев и народных воззрений по уголовному праву» (1874 г.) исследования в области обычного права занимали особое и значительное место.

Сам не имея возможности собирать этнографический материал на Кавказе (частично из-за болезни), он привлекал к этой

деятельности всех, кто соглашался ему помочь. По его мнению, области Северного Кавказа еще сохраняли в повседневной жизни многие элементы обычного и традиционного права, за искоренение которых длительное время боролась имперская администрация.

А.Ф. Кистяковский был не только знатоком в области обычного права, но и практикующим ученым, поэтому как никто другой понимал ситуацию. Он считал важным, что при разработке законодательной базы Российской империи следует не упустить время и собрать все необходимые материалы, чтобы выработать определенные нормы и учесть региональные особенности правовых уложений. То есть «необходимо решить вопрос: в какой мере будущие кодексы должны обнимать юридический быт племен и народов, населяющих окраины России, <...> должны ли эти народы во всех подробностях подчиняться общерусским уголовным и гражданским законам; или же необходимо в отношении их сделать более или менее значительные исключения, объем которых должен быть точно определен в законе» [ИР НБУВ. Ф. 61. № 339. Л. 1 об. — 2].

Для его исследований требовались непосредственные источники в правовом поле горских народов. Поэтому Кистяковский прибегал к помощи всех своих знакомых. Помощников в розыске и доставке сведений об обычном праве горцев Кавказа, а также всякого рода этнографических материалов он называл своими корреспондентами.

Его письма к адресатам на Кавказ полны просьбами и повторными напоминаниями, чтобы они не забывали искать и высылать необходимые материалы и литературу. Наставления к брату Павлу, который уехал в Тифлис, красноречиво свидетельствуют о его неподдельном интересе к своему делу: «Думаю, что ты великую пользу извлечешь из своего пребывания на Кавказе, если положишь себе за правило записывать свои наблюдения. Кавказ — богатейшая страна для этнографических наблюдений. К ним должны быть направлены твои досуги» [ИР НБУВ. Ф. III. № 62308. Л. 1]. И уже на следующей странице снова напоминает: «Пожалуйста, не забывай моих этнографических наклонностей. Всякое этнографическое све-

дение из местных газет может служить для меня полезным материалом» [Там же. Л. 1 об.].

Присылали материалы и его бывшие студенты, которым он преподавал в университете св. Владимира в Киеве. Некоторые из них получили первые практические навыки профессии на Кавказе. Так, М. Ступин работал сначала в Пятигорске «казенным защитником», затем во Владикавказе в окружном суде. Н. Жеребцов начал свою деятельность в Моздоке следователем, потом заведовал Пятигорским следственным участком. Вначале 80-х годов XIX в. по просьбе учителя они собирали и присылали ему материалы по обычному праву горских народов. Возможно, что и имеющиеся в фонде материалы об ингушах прислал кто-то из них [ИР НБУВ. Ф. 61. № 261].

Материалы, приведенные в отрывке об обычаях ингушского народа, рассматривают наказания и плату за воровство, которое «у ингушей бывает трех родов: со двора, со степи и из дома. Последний род воровства имеет еще два вида: воровство с первой половины сакли или, как называют, “ниже столба и со второй половины сакли, или выше столба”». На листе имеется неразборчивая пометка «[Ч]еченского племени, живет близ г. Владикавказа» [ИР НБУВ. Ф. 61. № 266. Л. 1].

В фонде А. Кистяковского сохранилась работа его студента Ерванда Степановича Джалалова (Джелалов) «О кровавой мести, действующей у кавказских горцев». После окончания обучения Джалалов вернулся на Кавказ, а свое общение с Кистяковским они продолжили посредством переписки.

В своем студенческом исследовании автор указывал, что «предметом настоящего исследования избран институт кровавой мести в его постепенном историческом развитии, изменениях и современном значении и приложении к внутренней жизни горцев» [ИР НБУВ. Ф. 61. № 236. Л. 1]. В описании традиций он сравнивал обычаи народов Дагестана, Кабарды и кумыков.

В заключительной части он высказывал собственные рассуждения о внедрении новой правовой системы и ее влиянии на жизнь народов Кавказа. При этом Е. Джалалов выделял две важные черты характера любого горца — это любовь к Родине и свободе: «Жесточайшее наказание для горцев при необыкновенной

любви их к родине; горцы, оторванные от своих поистине очаровательно милых гор, почти все погибают в другом климате! <...> Причина этому — жажда свободы, хотя, быть может и в превратном значении этого слова, легкое, лежащее в основе характера горца, и, наконец, те предрассудки и традиционные понятия, которые всосал горец вместе с молоком матери» [Там же. Л. 23 об. — 24 об.].

Таким образом, уже предварительное изучение фондов Института рукописи НБУВ представило нам новые факты, свидетельствующие об огромном интересе украинских исследователей к культуре и быту народов Кавказа. Нам кажется, что данное направление исследований имеет перспективы.

Источники

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Далее — ИР НБУВ)Ф. III. № 5277. Венелін Юрій [...] [Хуц] — Максимовичу [...]. Лист 8 червня 1832 р. з с. Серкова на Кавказ. 4 л.

ИР НБУВ. Ф. III. № 69007–69011. Мороз Даниил [Константинович] — [Кистяковскому] Александру Федоровичу. Письма 14 января 1877 г. — 22 декабря 1877 г. из Тифлиса, Калиша в [...]. 11 л.

ИР НБУВ. Ф. 6. № 210. [Кистяковский Александр Федорович]. О необходимости изучения обычного права. (Лекция, [0-е гг. XIX в.] 14 л.

ИР НБУВ. Ф. III. № 62307–62320. Кистяковский А[лександр Федорович] — [Кистяковскому] Павлу Федоровичу. Письма 26 сентября 1878 г. — 3 декабря 1884 г. из Киева в [Тифлис]. 14 ед. 24 л.

ИР НБУВ. Ф. 61. № 261. «Обычаи измененные и установленные с общего согласия жителями Ингушевского округа» [1879 г.]. 8 л.

ИР НБУ. Ф. 61. № 266. «Отрывок из обычаев ингушевского народа». Копия. [70-е годы XIX в.] 2 л.

ИР НБУВ. Ф. 61. № 236. Джелилов Е. «О кровавой мести, действующей у кавказских горцев». 13 сентября 1880 г. 24 л.

ИР НБУВ. Ф. III. № 67985–67991. Жеребцов Н[иколай Алекс.] — [Кистяковскому] Александру Федоровичу. Письма: 31 марта 1880 г. — 11 января 1881 г. из Пятигорска, Кисловодска, Моздока в [...]. 7 ед. 18 л.